

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ САНКЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН — СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Юлия Будник

Автор анализирует переход деятельности Совета Безопасности ООН от всеобъемлющих санкций к целевым в связи с изменением угроз международному миру и безопасности; комплексно оценивает последствия такого перехода в практике Совета: изменение роли санкций, проблемы применения целевых санкций, становление механизма контроля за санкциями.

Автор приходит к выводам, что с 2000-х гг. Совет Безопасности ООН начал применять целевые санкции не только вследствие негативного гуманитарного эффекта всеобъемлющих, а, в первую очередь, по причине изменения угроз международному миру и безопасности, источниками которых выступают негосударственные субъекты. Преимущественно в рамках предотвращения террористических угроз целевые санкции стали приобретать новое значение и применяться как инструмент превентивного характера.

В свою очередь применение санкций в качестве превентивной меры по отношению к частным лицам сопряжено с серьезными вызовами в области права прав человека. Прежде всего, это касается обеспечения эффективной правовой защиты и справедливого разбирательства при включении в перечень, ограничения и лишения широкого круга прав при нахождении в перечне, значительных трудностей либо невозможности исключения из него.

Вследствие серьезных негативных последствий применения санкций происходит поэтапное становление нового механизма контроля за санкциями в рамках самого Совета Безопасности ООН, который в настоящее время представляет совокупность его дополнительных органов по техническим вопросам осуществления санкционных режимов.

Ключевые слова: всеобъемлющие санкции; механизм контроля; права человека; превентивная роль санкций; целевые санкции.

«Implementation of the Preventive Function of UN Security Council Sanctions — Contemporary Challenges» (Yuliya Budnik)

In the article the author assesses the transition of the United Nations Security Council from comprehensive to targeted sanctions in connection with the transformation of the sources of threats to international peace and security; comprehensively analyses the consequences of this transition in the practice of the Council: the changing of the role of sanctions, problems of targeted sanctions, the formation of a mechanism for sanctions monitoring.

The author concludes that since the 2000s the Security Council begins to apply targeted sanctions not only because of the negative humanitarian effect of comprehensive, but primarily because of the change in threats to international peace and security, the sources of which are non-state actors. Primarily within the framework of the prevention of terrorist threats, targeted sanctions take on a new role and are applied as an instrument of a preventive nature.

In turn, the use of sanctions as a preventive measure against individuals entails serious challenges in the area of human rights law. Above all, this relates to ensuring effective legal protection and a fair trial in the case of listing, limitation and deprivation of a wide range of rights while on the list, considerable difficulty or impossibility of de-listing.

Because of the significant negative effects of sanctions, a new sanctions monitoring mechanism is gradually being established within the UN Security Council, which today represents a set of additional Council bodies on the technical issues of implementing sanctions regimes.

Keywords: comprehensive sanctions; human rights; monitoring mechanism; preventive role of sanctions; targeted sanctions.

Автор:

Будник Юлия Леонидовна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: yulbudnik@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Budnik Yuliya — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: yulbudnik@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Деятельность Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН), являющегося главным органом в деле поддержания международного мира и безопасности [7, с. 41; 26, ст. 24], часто подвергается критике со стороны как отдельных субъектов международного права, так и ученых за существенные недостатки по реализации данных полномочий.

Так, среди наиболее критикуемых аспектов до 2000-х гг. были применение всеобъемлющих санкций и их негативный эффект на гражданское население [3, п. 68; 55, para. 70], после 2000-х гг. на первое место стала выходить проблема соответствия целевых санкций нормам права прав человека [20, с. 70—71; 33]. Как отметил в своем исследовании немецкий ученый Б. Фассбендер, «основатели ООН не ожидали, что Организация будет осуществлять власть или полномочия таким образом, что права и свободы отдельных людей будут непосредственно затронуты» [33, р. 22]. Стремительная эволюция института санкций — это новое явление для международного права, которое затрагивает многие его отрасли и даже основы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение негативных последствий применения всеобъемлющих и целевых санкций, анализ их эволюции, исследование вопроса о новой превентивной роли санкций СБ ООН, которая ранее не оценивалась в правовой доктрине.

Практические и теоретические вопросы реализации превентивной роли санкций СБ ООН не могут оставаться вне поля зрения ученых, поскольку применение санкций в качестве превентивных мер сопряжено с серьезными международными правовыми последствиями, в том числе в области права прав человека, что дополнительно доказывает актуальность и многоаспектность выбранной тематики.

Рассмотрение обозначенных вопросов и написание данной статьи построено преимущественно на анализе резолюций, докладов, отчетов, рабочих документов органов ООН и их подразделений, различных правозащитных структур, а также мнений В. А. Василенко [1], Е. Ф. Довгань [2], М. В. Кешнер [6], С. А. Ляпичева [8], В. Н. Русиновой [20], К. Т. Хубера, А. Родилеса [36].

Традиционно санкции применялись «против субъектов международного права, нарушающих международный правопорядок», и «только в ответ на международное правонарушение» [1, с. 33]. За первые 45 лет своего существования СБ ООН применял санкции всего дважды: в отношении Южной Родезии (1966 г.) и ЮАР (1977 г.) [24]. В период 1990—1998 гг. количество санкций возросло [45, para. 11], к некоторым странам были применены всеобъемлющие санкции (к Ирану, Югославии, Гаити) [24], которые представляют собой меры, «полностью блокирующие любые виды торговых и финансовых операций» [22]. Так, в соответствии с резолюцией СБ ООН 661 (1990)

исключение из режима санкций в отношении Ирака в ответ на вторжение в Кувейт составляли только поставки, предназначенные исключительно для медицинских целей, и в случае возникновения обстоятельств гуманитарного характера — поставки продовольствия, т. е. ввоз продуктов питания был разрешен, если этого требовали обстоятельства «гуманитарного характера» [см.: 24].

В 1999 г. негативный гуманитарный эффект таких всеобъемлющих санкций был отмечен в докладе Генерального секретаря ООН, в котором он подчеркнул, что «накопленный в последнее время опыт свидетельствует о том, что санкции могут оказывать в высшей степени неблагоприятное воздействие на гражданское население, особенно на детей и женщин» [44, para. 25].

Как подтвердили многие исследования, такое неблагоприятное воздействие вследствие применения всеобъемлющих санкций СБ ООН было оказано, в частности, на население Ирака [27; 30, р. 7—12; 31; 58]; их катастрофический гуманитарный эффект подчеркнут в документах ООН [59], а также в научных публикациях [34, р. 29; 35]. За первые 6 лет Ирак был полностью отрезан от мировой торговли, добыча нефти и ее экспорт были остановлены [39], экономика, сельское хозяйство, здравоохранение, социальная инфраструктура были разрушены [29, р. 278—284]. Вместе с ущербом, нанесенным войной в Персидском заливе, санкции спровоцировали серьезный гуманитарный кризис, который привел к сотням тысяч смертей среди детей в 1990-е гг. [29, р. 278—284], а по последствиям детской смертности были приравнены к геноциду [35; 43]. Как минимум в ходе применения санкций были нарушены права на жизнь, достаточный жизненный уровень, медицинскую помощь, труд, развитие и др.

В 2000 г. Генеральный секретарь ООН в своем докладе назвал всеобъемлющие экономические санкции «тупым и даже вредным инструментом», призвал СБ ООН учитывать такой негативный опыт и «применять санкции более нацелено» [60, para. 232].

Именно в связи с таким высоким гуманитарным эффектом всеобъемлющих санкций СБ ООН активно начал вводить целевые санкции, направленные на конкретных физических и юридических лиц [2, с. 92; 4].

Несомненно, что негативное влияние на население стало причиной изменения санкционной составляющей деятельности ООН. Вместе с тем, полагаем, что это не единственная причина. По нашему мнению, такая эволюция санкций, от всеобъемлющих к целевым, обусловлена в том числе изменением содержания и характера угроз международному миру и безопасности в практике СБ ООН.

Разработчиками Устава ООН санкции задумывались как меры по пресечению конфликтов и войн между государствами. Одна-

ко постепенно центральное место в практике СБ ООН занимают транснациональные вызовы и угрозы: предотвращение распространения и применения ядерного и других видов оружия, непрекращающиеся локальные конфликты, международный терроризм, организованная преступность и др. [6, с. 6–7]. Начиная с 2000-х гг. в практике СБ ООН терроризм воспринимается как преобладающая угроза международному миру и безопасности, что подтверждается как доктриной [36, р. 112], так и резолюциями СБ ООН, в которых подчеркивается, что «терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности» [14, с. 1; 16, с. 1; 18, с. 1].

Данные угрозы уже исходят не только и не столько от государств, сколько от различных негосударственных субъектов. С. В. Новоселов подчеркивает, что «сегодня действия деструктивных негосударственных субъектов представляют собой наиболее актуальную и острую угрозу международной безопасности» [10, с. 84]. Е. Ф. Довгань пишет, что «деятельность отдельных лиц может представлять угрозу для международного мира и безопасности даже без совершения уголовных преступлений» [32, р. 308–309].

Подтверждением служат многочисленные резолюции СБ ООН, в которых источником угроз выступают негосударственные акторы. Резолюция 2551 (2020) определила, что «“Аш-Шабааб” представляет серьезную угрозу миру, безопасности и стабильности в Сомали и регионе» [53, р. 2]. В резолюции 1267 (1999) отмечалось, что режим санкций распространяется на «лица и организации, связанные с “Аль-Каидой”, Усамой бен Ладеном и/или движением “Талибан”, где бы они не находились», т. е. без привязки к конкретному государству либо к конкретной территории [см.: 41, para. 51–52]. В своем докладе Верховный комиссар по правам человека обоснованно отмечал, что «сводный перечень, ответственность за ведение которого возложена на Комитет, учрежденный в соответствии с резолюцией 1267, отличается от других комплексных санкций тем, что его объектом являются отдельные лица и организации, которые не обязательно имеют какие-либо связи с тем или иным государством или правительством» [48, para. 16].

На основании изложенного приходим к выводу о том, что начиная с 2000-х гг. СБ ООН активно применяет целевые санкции как вследствие того, что всеобъемлющие имели крайне негативный гуманитарный эффект на гражданское население, так и в результате того, что в поле зрения Совета стали попадать новые и нехарактерные ранее угрозы, которые исходят от негосударственных субъектов.

Вследствие изменения содержания и источников угроз санкции СБ ООН все чаще стали применяться не в ответ на нарушение норм

международного права, а как реакция на наличие даже потенциальной, еще не реализовавшейся угрозы, т. е. действовать на упреждение. В своем исследовании С. А. Ляпичев пишет, что СБ ООН «безотлагательно откликнулся на террористические акты 2001 г., “зацементируя” за собой правовую основу международного сотрудничества... в таких областях, как предотвращение финансирования терроризма, снижение риска получения террористами доступа к оружию массового уничтожения... а также создав контрольный орган — Контртеррористический комитет — для наблюдения за ходом осуществления подобных мер» [8, с. 60].

М. В. Кешнер отмечает, что «целью санкций является затруднить доступ к финансовым ресурсам с целью блокировать, ослабить, изолировать и обезвредить террористическую угрозу, исходящую от “Аль-Каиды”, и побудить изменить свое поведение тех, кто является членами этой группы или “связан” с ней» [6, с. 102]. Аналогичную позицию в своем исследовании высказывают Т. Бирстекер, Л. Херик, Р. Брубейкер, указывая на то, что конкретной целью санкций является «исключение из глобального общества и лишение возможности заниматься террористической деятельностью лиц и организаций, включенных в санкционный перечень» [28, р. 13]. Е. Ф. Довгань показывает, что в отдельных случаях СБ ООН «принимает санкции в отношении должностных лиц и экспертов в отдельных областях, например в области ядерной энергии. При этом такие лица не обвиняются в совершении международных преступлений, а санкции вводятся в целях предотвращения угрозы международному миру и безопасности, которая может быть создана в результате их деятельности» [2, с. 94].

Р. Баррет подчеркнул, что «превентивные санкции в отношении лиц, ассоциированных с террористическими организациями, являются необходимой мерой» [см.: 11]. В резолюции СБ ООН 1617 (2005) отмечается важность санкций как «особых превентивных мер в деле борьбы с террористической деятельностью» [51, р. 2]; в Руководящих принципах работы Комитета 1267 от 5 сентября 1998 г., — что при включении в перечень лиц и организаций, связанных с ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каидой», «наличие уголовного обвинения или обвинительного приговора не является необходимым условием для включения в перечень, поскольку санкции призваны играть превентивную роль» [19, п. 6-d]. В Докладе Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями в отношении перечня включения отмечается, что его «цель — профилактика, а не наказание; Комитет сохраняет имена лиц в перечне не для того, чтобы наказать за поведение в прошлом, а для того, чтобы не допускать подобного поведения с их стороны в будущем» [56, para. 17].

Действительно, в ряде резолюций СБ ООН подчеркивается, что санкции «содействуют предотвращению конфликтов» [13, п. 8], «являются превентивными по своему характеру и не основываются на уголовных нормах, установленных согласно внутригосударственному праву» [12, с. 2; 15, с. 2; 18, с. 2].

Полагаем, что такая превентивная роль санкций могла появиться только вследствие того, что СБ ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности [7, л. 41, 47; 25, л. 5; 26, ст. 24; 36, р. 116; 54] и обладает исключительной компетенцией в реализации данных полномочий [2, с. 94]. Так, уже в 1999 г. в Докладе Генерального секретаря ООН в отношении вооруженных конфликтов указывалось: «В настоящее время в целом признается, что поддержание международного мира и безопасности требует от Совета действий на всех этапах реального или потенциального конфликта» [44, para. 29].

В резолюции 1373 (2001) СБ ООН, «действуя на основании главы VII Устава ООН», постановил, что все государства должны «предотвращать и пресекать финансирование террористических актов» [52, para. 1a], «принять необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов» [52, para. 2b]. В соответствии с резолюцией 1566 (2004) СБ ООН «призывает все государства предотвращать акты терроризма» [50, para. 3], а также предпринять соответствующие меры по предотвращению передвижения через территории государств-членов, предотвращению обеспечения любыми типами вооружений и связанными с ними материалами лиц и организаций, причастных к террористической деятельности [50, para. 9].

С учетом изложенного полагаем возможным отметить, что за последние 20 лет санкции СБ ООН приобрели новое значение, а именно: применяются как инструмент превентивного характера, преимущественно в рамках предотвращения террористических угроз международному миру и безопасности.

Вместе с тем такая новая превентивная роль санкций СБ ООН подверглась резкой критике со стороны государств, правозащитных структур, а также ученых. Санкции как меры поддержания международного мира и безопасности должны носить чрезвычайный и исключительный характер, в то время как они налагают серьезные правовые ограничения на субъектов санкций и даже приравниваются к уголовному наказанию [2, с. 94; 36, р. 111]. Как было отмечено Верховным комиссаром ООН по правам человека: «Поскольку временное замораживание активов остается бессрочным, т. е. становится постоянным, это может быть приравнено к уголовному наказанию в связи с суровостью санкций» [49, para. 42]. В своем исследовании К. Т. Хубер, А. Родилес пишут, что как только любое лицо попадает в санкцион-

ный перечень (в перечень вносятся все физические лица и организации, подпадающие под действие мер, введенных Советом Безопасности [23]), нет никаких временных рамок, определяющих его пребывание в нем, за исключением указания на то, что санкции против него будут оставаться в силе до тех пор, пока СБ ООН считает целевую категорию, к которой оно принадлежит или с которой связано (например, «Талибан» или «Аль-Каида»), угрозой международному миру и безопасности [36, р. 112]. Такую позицию подтверждают Б. Эммерсон, отмечая, что «лица, включенные в перечень, могут оказаться там навечно» [42, para. 13], и Н. Пиллэй, указывая, что «санкции по сути приобретают постоянный характер» [48, para. 17].

В отношении лиц — субъектов санкций могут применяться такие меры, как запреты на поездки, замораживание активов или конфискация имущества и др. [57, р. 12]. Вследствие этого они «не имеют права доступа к своему имуществу, лишаются возможности получать пособия по социальному страхованию, подвергаются ограничениям на трудоустройство и поездки в пределах их стран и за рубежом., существенно ограничиваются право на свободу передвижения, имущественные права и право на невмешательство в личную жизнь во всех его проявлениях» [42, para. 13]. Как отметил М. Шейнин в своем докладе, «ряд прав, закрепленных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, оказались под угрозой из-за контртеррористических мер, а именно: право на труд (ст.ст. 6—7); право на охрану и помощь, предоставляемые семье, детям и молодым людям (ст. 10); право на достаточный жизненный уровень, включая достаточное питание и жилище (ст. 11); право на здоровье (ст. 12) и право на образование (ст.ст. 13—14)» [47, para. 33]. Ф. Ни Илойн обратила особое внимание на то, что происходит «включение в санкционные перечни женщин и девочек, что сказывается на осуществлении ими политических, социальных, экономических и культурных прав» [46, para. 16].

Основная же проблема заключается в том, что практика составления санкционных списков во исполнение резолюции 1267 (1999) оказала серьезное негативное воздействие на права, связанные с обеспечением процессуальных гарантий для лиц, подозреваемых в терроризме, а также членов их семей [37, para. 16; 41, para. 54]. Как полагает Е. Ф. Довгань, деятельность СБ ООН «по введению целевых санкций в существующей сегодня форме может рассматриваться как нарушающая право на справедливое судебное разбирательство (должный процесс) и назначение наказания за деяния, не рассматриваемые в качестве преступлений (*nullum crimen*)» [2, с. 95]. Т. Хаммарберг отметила, что «было ликвидировано право

на эффективное средство правовой защиты и должное судебное разбирательство» [9]. Ф. Ни Илойн в своем докладе обратила внимание на «нарушение самых элементарных принципов верховенства права, связанных с процедурами и процессами включения в санкционные списки как в ООН, так и в практике государств» [46, para. 17].

Негативная ситуация с нарушением прав подтверждается многочисленными исками, поданными в национальные и региональные суды от имени включенных в перечень [56, p. 39–41]. Так, в одном из самых известных в этой области дел («Ясин Абдулла Кади») Суд Европейского союза отметил, что «по-прежнему не обеспечиваются гарантии судебной защиты в ходе применения режима 1267..., заинтересованные лица или организации не имеют реальной возможности оспаривать свои права» [38, para. 323].

Таким образом, на современном этапе эволюции санкций можно выделить ряд основных проблемных вопросов применения целевых санкций СБ ООН: основания и обоснованность включения в перечень; вопрос исключения из перечня; обеспечение надлежащей правовой процедуры защиты и юридического (судебного) разбирательства, а также (как следствие нахождения в санкционном перечне) нарушение ряда политических, социальных, экономических и культурных прав.

Вместе с тем следует признать, что вопросы обеспечения прав лиц, включенных в перечень, поднимались на самом высоком уровне. В Итоговом документе Всемирного саммита главы государств и правительств призвали СБ ООН при поддержке Генерального секретаря «обеспечить существование справедливых и ясных процедур включения лиц и организаций в списки тех, на кого распространяются санкции, и процедур их исключения из этих списков» [5, п. 109].

Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом М. Шейнин рекомендовал «всем государствам предусмотреть в ходе осуществления резолюции 1267 (1999) СБ ООН или иным образом надлежащие гарантии в своих национальных процедурах для обеспечения уважения прав человека, включая требование о соблюдении законности и наличии судебного контроля при включении в соответствующие перечни лиц и групп в качестве участников террористической деятельности» [47, para. 73-f]. Консультативный комитет Совета по правам человека в своем докладе подтвердил «неделимость всех прав человека в контексте как последствий терроризма, так и контртеррористических мер для осуществления экономических, социальных и культурных прав» [40, p. 3].

В связи с настолько пристальным вниманием к данным вопросам стоит отметить хотя и медленное, но поэтапное в рамках ООН фор-

мирование механизма контроля, призванного обеспечивать реализацию санкций в пределах правового поля. Так, на официальном сайте ООН отмечается, что в процессе применения санкций СБ ООН «уделяет все больше внимания соблюдению прав тех, против кого они применяются» [21]. В настоящее время действует 14 режимов санкций, каждый из которых осуществляется под руководством определенного Комитета по санкциям. В поддержку 11 из 14 комитетов по санкциям действуют 10 разнообразных групп наблюдения [21].

Отметим, до 2006 г. единственной возможностью для лиц, включенных в сводный перечень, подать просьбу об исключении из него было обращение через государство их гражданства и/или проживания [55, p. 1]. В 2006 г. был учрежден Координационный центр по вопросам исключения из перечня [17, п. 1]. Как отмечают К. Т. Хубер и А. Родилес, создание такого центра было важным шагом к обеспечению верховенства права, однако на практике процедуры включения и исключения из перечня остались те же. Функции Координационного центра сводились к передаче запросов комитетам от физических и юридических лиц [36, p. 115–116].

Следующим этапом становления механизма контроля стало учреждение Канцелярии Омбудсмана в рамках Комитета по санкциям в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды» в соответствии с резолюцией 1904 (2009), которая была создана с целью оказывать помощь Комитету при рассмотрении вопросов об исключении из перечня [15, пп. 20–21].

Важно отметить, что Омбудсмен был создан исключительно для режима 1267, для всех остальных, добывающихся исключения из перечня, по-прежнему остался Координатор [15, п. 21].

Санкции СБ ООН в существующем виде являются инструментом, всегда сопряженным с наступлением неблагоприятных последствий, будь то решение для широкого круга лиц в случае всеобъемлющих санкций (пример Ирака) либо ограничение ряда прав и свобод в случае целевых санкций (пример режима 1267).

На основании изложенного полагаем обоснованным сделать следующие выводы.

За последние 20 лет санкции СБ ООН приобрели новое значение, применяются как инструмент превентивного характера, преимущественно в рамках предотвращения террористических угроз международному миру и безопасности.

Начиная с 2000-х гг. СБ ООН начинает активно применять целевые санкции вследствие того, что всеобъемлющие оказывают крайне негативный гуманитарный эффект на гражданское население, а в поле зрения СБ ООН попадают новые и нехарактерные ранее угрозы, которые исходят от негосударственных субъек-

тов, и СБ ООН действует на их упреждение в рамках своей исключительной компетенции по поддержанию международного мира и безопасности.

Придание санкциям СБ ООН новой превентивной роли и, как следствие, применение СБ ООН целевых санкций связано с серьезными вызовами в области права прав человека, в первую очередь, с обеспечением эффективной правовой защиты и справедливого разбирательства при включении в перечень, ограничением и лишением широкого круга политических, социальных, экономических и культурных прав при нахождении в перечне, а также значительными трудностями исключения из него.

В настоящее время происходит медленное и поэтапное становление механизма контроля за санкциями, который представляет совокупность дополнительных органов СБ ООН по техническим вопросам осуществления санкционных режимов (Комитеты по санкциям, группы по наблюдению, Координационный центр, Омбудсмен).

В вопросах исключения из перечня есть положительная динамика (создан Омбудсмен в отношении режима 1267, в отношении остальных режимов действует Координатор); вопросы включения с применением надлежащей правовой процедуры остаются необеспеченными должными гарантиями в отношении всех действующих режимов санкций.

Список использованных источников

1. Василенко, В. А. Международно-правовые санкции / В. А. Василенко. — Киев, 1982. — 230 с.
2. Довгань, Е. Ф. Верховенство права и Совет Безопасности ООН: проблемы применения целевых санкций / Е. Ф. Довгань // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. 6. — Минск, 2015. — С. 90—98.
3. Доклад Генерального секретаря о работе Организации: док. ООН A/58/1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://legal.un.org/ola/media/info_from_lc/A_58_1R.pdf>. — Дата доступа: 13.11.2021.
4. Елена Довгань: О назначении Спецдокладчиком ООН и негативе от санкций в условиях пандемии [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 14.04.2020. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/interview/view/o-naznachenii-spetsdokladchikom-oon-i-negative-ot-sanktsij-v-uslovijah-pandemii-7255/>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
5. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сент. 2005 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml>. — Дата доступа: 13.11.2021.
6. Кешнер, М. В. Экономические санкции в современном международном праве / М. В. Кешнер. — М.: Проспект, 2015. — 181 с.
7. Крицкий, К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / К. В. Крицкий. — М., 2019. — 186 л.
8. Ляпичев, С. А. Деятельность ООН в сфере защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом / С. А. Ляпичев // Вест. Москов. ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. — 2011. — № 3. — С. 59—80.
9. Настало время изменить произвольные процедуры в отношении «черных списков» террористов: точка зрения / Комиссар по правам человека [Электронный ресурс] // Совет Европы. — 01.12.2008. — Режим доступа: <<https://www.coe.int/tu/web/commissioner/-/arbitrary-procedures-for-terrorist-black-listing-must-now-be-chang-1>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
10. Новоселов, С. В. Негосударственные субъекты как источники угроз для международного мира и безопасности // С. В. Новоселов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2013. — № 2(35). — С. 80—88.
11. Превентивные санкции в отношении лиц, ассоциированных с террористическими организациями, являются необходимой мерой [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 12.02.2009. — Режим доступа: <<https://news.un.org/ru/story/2009/02/1140411>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
12. Резолюция 1822 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5928-м заседании 30 июня 2008 года: док. ООН S/RES/1822(2008) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/1822\(2008\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1822(2008))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
13. Резолюция 2171 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7247-м заседании 21 августа 2014 года: док. ООН S/RES/2171(2014) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/2171\(2014\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2171(2014))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
14. Резолюция 2370 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8017-м заседании 2 августа 2017 года: док. ООН S/RES/2370(2017) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/2370\(2017\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2370(2017))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
15. Резолюция 1904 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6247-м заседании 17 декабря 2009 года: док. ООН S/RES/1904(2009)* [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/1904\(2009\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1904(2009))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
16. Резолюция 1566 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5053-м заседании 8 октября 2004 года: док. ООН S/RES/1566(2004) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/1566\(2004\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1566(2004))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
17. Резолюция 1730 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5599-м заседании 19 декабря 2006 года: док. ООН S/RES/1730(2006) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/1730\(2006\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1730(2006))>. — Дата доступа: 13.11.2021.
18. Резолюция 1735 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5609-м заседании 22 декабря 2006 года: док. ООН S/RES/1735(2006) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://www.undocs.org/ru/S/RES/1735\(2006\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1735(2006))>. — Дата LJCNEG: 13.11.2021.
19. Руководящие принципы работы Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям от 5 сент. 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/ru_-_guidelines_of_the_committee_o.pdf>. — Дата доступа: 13.11.2021.
20. Русинова, В. Н. Достучаться до Совета Безопасности ООН: санкционные списки и обязательства государств по защите прав человека в решениях международных судебных и квазисудебных органов / В. Н. Русинова // Междунар. правосудие. — 2017. — № 1(21). — С. 68—84. (DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-68-84)

21. Санкции Совета Безопасности: информационный ресурс [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
22. Санкции [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <<https://russiancouncil.ru/sanctions>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
23. Сводный перечень Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
24. Сегал, А. Экономические санкции: ограничения правового и политического характера / А. Сегал [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — 31.12.1999. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/article/other/review-article-311299.htm>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
25. Тимошков, С. Г. Агрессия как международное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / С. Г. Тимошков. — М., 2017. — 217 л.
26. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>>. — Дата доступа: 13.11.2021.
27. Alnasrawi, A. Iraq: Economic Sanctions and Consequences, 1990–2000 / A. Alnasrawi // Third World Quarterly. — 2001. — Vol. 22, N 2. — P. 205–218.
28. Biersteker, T. Enhancing Due Process in UN Security Council Targeted Sanctions Regimes / T. Biersteker, L. van den Herik, R. Brubaker. — Geneva: Global Governance Centre, 2021. — 32 p.
29. Butt, K. M. UN Sanctions Against Iraq: From Ailment to Chronic / K. M. Butt, A. M. Butt // Journal of Political Studies. — 2014. — Vol. 21, N 2. — P. 271–295.
30. Diaz, J. Iraq Social Sector Watching Briefs Health and Nutrition. July 2003 / J. Diaz, R. Garfield [Electronic resource] // World Health Organization. — Mode of access: <<https://apps.who.int/disasters/repo/11224.pdf>>. — Date of access: 13.11.2021.
31. Dodge, T. The Failure of Sanctions and the Evolution of International Policy towards Iraq, 1990–2003 / T. Dodge // Contemporary Arab Affairs. — 2010. — Vol. 3, N 1. — P. 83–91. (<http://dx.doi.org/10.1080/17550910903525952>)
32. Douhan, A. F. Changing Nature of an Individual in International Law / A. F. Douhan // Kutafin Law Review. — 2018. — Vol 5, N 2. — P. 290–315. (<https://doi.org/10.17803/2313-5395.2018.2.10.290-315>)
33. Fassbender, B. Targeted Sanctions and Due Process: the responsibility of the UN Security Council to ensure that fair and clear procedures are made available to individuals and entities targeted with sanctions under Chapter VII of the UN Charter. Berlin, 20 March 2006 / B. Fassbender [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/law/counsel/Fassbender_study.pdf>. — Date of access: 13.11.2021.
34. Halliday, D. The Impact of the UN Sanctions on the People of Iraq / D. Halliday // Journal of Palestine Studies. — 1999. — Vol. 28, N 2. — P. 29–37. (<https://doi.org/10.2307/2537932>)
35. Hameed, L. Genocide by UN Analyzing UN Sanctions on Iraq in 1991, 10 March 2019 / L. Hameed [Electronic resource] // ResearchGate. — Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/331642778_Genocide_by_UN_Analyzing_UN_Sanctions_on_Iraq_in_1991>. — Date of access: 13.11.2021. (<http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.30576.92167>)
36. Huber, K. T. An Ombudsperson in the United Nations Security Council: a Paradigm Shift? / K. T. Huber, A. Rodiles // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. — 2012. — Décimo Aniversario. — P. 107–142. (<http://dx.doi.org/10.22201/ij.24487872e.2012.11.5.380>)
37. Human rights impact of counter-terrorism and countering (violent) extremism policies and practices on the rights of women, girls and the family: Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: UN Doc. A/63/223 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/63/223>>. — Date of access: 13.11.2021.
38. Judgment of the Court (Grand Chamber) 3 September 2008 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=67611&text=&dir=&doclang=EN&part=1&occ=first&mode=DOC&pageIndex=0&cid=41775759>>. — Date of access: 13.11.2021.
39. Lopez, G. Containing Iraq: Sanctions Worked / G. Lopez, D. Cortright // Foreign Affairs. — 2004. — Vol. 83, N 4. — P. 90–103. (<https://doi.org/10.2307/20034049>)
40. Negative effects of terrorism on the enjoyment of human rights: Report of the Human Rights Council Advisory Committee: UN Doc. A/HRC/48/66 [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/48/66>>. — Date of access: 13.11.2021.
41. Promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: Note by the Secretary-General: UN Doc. A/65/258 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/65/258>>. — Date of access: 13.11.2021.
42. Promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: Note by the Secretary-General: UN Doc. A/67/396 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/67/396>>. — Date of access: 13.11.2021.
43. Razing the Truth About Sanctions Against Iraq [Electronic resource] // Geneva International Centre of Justice. — Mode of access: <<https://www.gicj.org/positions-opinions/gicj-positions-and-opinions/1188-razing-the-truth-about-sanctions-against-iraq>>. — Date of access: 13.11.2021.
44. Report of The Secretary-General to The Security Council on The Protection of Civilians in Armed Conflict: UN Doc. S/1999/957 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/S/1999/957>>. — Date of access: 13.11.2021.
45. Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Idriss Jazairy: UN Doc. A/HRC/30/45 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/30/45>>. — Date of access: 13.11.2021.
46. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, Fionnuala Ni Aoláin: UN Doc. A/HRC/46/36 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/46/36>>. — Date of access: 13.11.2021.
47. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, Martin Scheinin: UN Doc. A/HRC/6/17 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/6/17>>. — Date of access: 13.11.2021.
48. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: UN Doc. A/HRC/16/50, 15 Dec. 2010 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/16/50>>. — Date of access: 13.11.2021.
49. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: UN. Doc. A/HRC/12/22 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://www.undocs.org/en/A/HRC/12/22>>. — Date of access: 13.11.2021.

50. Resolution 1566 (2004), adopted by the Security Council at its 5053rd meeting, October 8, 2004: UN Doc. S/RES/1566(2004) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://www.undocs.org/en/S/RES/1566\(2004\)](https://www.undocs.org/en/S/RES/1566(2004))>. — Date of access: 13.11.2021.
51. Resolution 1617 (2005), adopted by the Security Council at its 5244th meeting, on 29 July 2005: UN Doc. S/RES/1617(2005) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/1617\(2005\)](https://undocs.org/en/S/RES/1617(2005))>. — Date of access: 13.11.2021.
52. Resolution 1373 (2001), adopted by the Security Council at its 4385th meeting, 28 September 2001: UN Doc. S/RES/1373(2001) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://www.undocs.org/en/S/RES/1373\(2001\)](https://www.undocs.org/en/S/RES/1373(2001))>. — Date of access: 13.11.2021.
53. Resolution 2551 (2020), adopted by the Security Council at its 8775th meeting, on 12 November 2020: UN Doc. S/RES/2551(2020) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2551\(2020\)](https://undocs.org/en/S/RES/2551(2020))>. — Date of access: 13.11.2021.
54. Statement of Chairman of 1267 Committee on De-Listing Procedures: Press Release SC/7487-AFG/203 [Electronic resource] // United Nations. — 16.08.2002. — Mode of access: <<https://www.un.org/press/en/2002/sc7487.doc.htm>>. — Date of access: 13.11.2021.
55. Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations: UN Doc. A/50/60*-S/1995/1* [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/50/60>>. — Date of access: 13.11.2021.
56. Tenth report of the Analytical Support and Sanctions Implementation Monitoring Team submitted pursuant to resolution 1822 (2008) concerning Al-Qaida and the Taliban and associated individuals and entities: UN Doc. S/2009/502 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://www.undocs.org/en/S/2009/502>>. — Date of access: 13.11.2021.
57. Terrorism and human rights: Report of the Secretary-General: A/76/273 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/76/273>>. — Date of access: 13.11.2021.
58. The Human Costs of War in Iraq: Iraq Report [Electronic resource] // Center for Economic and Social Rights. — Mode of access: <https://www.cesr.org/sites/default/files/Human_Costs_of_War_in_Iraq.pdf>. — Date of access: 13.11.2021.
59. The situation of children in Iraq: UNICEF Iraq: an Assessment Based on the United Nations Convention of the Rights of the Child. February 2002 [Electronic resource] // Campaign Against Sanctions on Iraq. — Mode of access: <<http://www.casi.org.uk/info/unicef0202.pdf>>. — Date of access: 13.11.2021.
60. We the peoples: the role of the United Nations in the twenty-first century: Report of the Secretary-General: UN Doc. A/54/2000, 27 March 2000 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/54/2000>>. — Date of access: 13.11.2021.

Статья поступила в редакцию 21 января 2022 г.